

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Межвузовский сборник научных статей
с международным участием

Выпуск 9

*Рекомендовано
редакционно-издательским советом
учреждения образования
«Барановичский государственный университет»*

Барановичи
БарГУ
2020

Межвузовский сборник содержит статьи, посвященные актуальным проблемам возрастной, педагогической и социальной психологии. Представлены результаты теоретико-эмпирических исследований и авторские методические разработки.

Адресуется специалистам системы профессионального образования, студентам учреждений высшего образования, аспирантам, научным и практическим работникам в области образования.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за достоверность приведенных эмпирических данных, статистических данных, фактов и цитат. Редакция может опубликовать материалы, не разделяя точку зрения автора (в порядке обсуждения).

Редакционная коллегия:

д-р с.-х. наук, проф. В. И. Кочурко (*председатель*);
канд. психол. наук, доц. Т. Е. Яценко (зам. председателя редколлегии, науч. ред.);
д-р мед. наук, проф. С. А. Игумнов; д-р психол. наук, проф. Я. Л. Коломинский;
д-р психол. наук Г. В. Лосик; д-р психол. наук, проф. В. В. Рубцов;
д-р психол. наук, проф. В. И. Панов; д-р психол. наук, проф. М. В. Савчин;
д-р психол. наук, проф. В. В. Селиванов; д-р филос. наук, доц. Н. А. Ореховская;
канд. психол. наук, доц. О. В. Белановская; канд. психол. наук, доц. Т. Ф. Велента;
канд. филос. наук А. Г. Иценко; канд. психол. наук Т. Д. Карягина; канд. психол.
наук, доц. Е. А. Клешева; канд. психол. наук, доц. Е. И. Медведская;
канд. психол. наук, доц. Н. И. Олифирович

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	6
Адасько А. И., Янчий А. И. Содержательные характеристики образа «Я» личности подросткового и юношеского возраста с разными уровнями мотивации достижения	7
Алферова И. С. Связь восприятия родительских установок и механизмов психологической защиты у подростков	15
Белановская О. В., Бортулева Н. Л. Смысложизненные ориентации виктимной личности в юношеском возрасте	21
Белозерцева Н. В. Формирование мотивации профессиональной деятельности у студентов-инвалидов в условиях инклюзивного образования	30
Болкунов А. В., Янчий А. И. Структура одиночества религиозной личности	39
Ворошилина И. В. Психологическое благополучие ребенка с разной структурной организацией семьи повторного брака	49
Гонина О. О., Жарова М. А. Общение дошкольников с родителями как фактор мотивационной готовности к школьному обучению	57
Дикова В. В. Ориентация на развитие как фактор профессионального развития будущих педагогов	65
Елисеева-Сеттергрэн Н. В., Боброва Е. С. Нарушение сенсорной интеграции в детском возрасте	72
Зубков В. А. Чувственное и рациональное в формировании оперативного образа у летного состава	80
Иванова С. П. Современная российская семья как субъект воспитания на первичном этапе формирования у детей идентичности школьника ..	87
Иценко А. Г. «Религиозный опыт» в концептуальных построениях У. Джеймса — рецепция С. Л. Франка	97
Кебеева А. О., Макашкулова Г. Б., Ибрагимова У. О. Развитие самооценки студентов	111
Кишея И. Л., Астрейко А. В. Полорольевые различия во взглядах на воспитание детей (на примере периода взрослости)	118
Королькова Н. А., Лустенкова Н. А. Решение проблем современной семьи с особенным ребенком и формирование толерантного сознания социума в инклюзивном пространстве через подготовку родителей-волонтеров	123
Кузнецова Е. Н. Особенности школьной мотивации обучающихся в условиях федеральных государственных образовательных стандартов ..	131
Ленкова А. А., Топузидис Г. Г. Психологические аспекты волонтерской деятельности	137
Лешкевич Е. В. Взаимосвязь толерантности к неопределенности и жизнестойкости студентов	147
Ливенкова Е. А. Особенности мотивации достижения в подростковом возрасте: обзор современных исследований	155

Мазуркевич Е. В. Эмоциональная сфера подростков со склонностью к табачной аддикции	166
Макеева Е. С., Сидорова М. В. Особенности конфликтологической компетентности студентов экономического профиля обучения	170
Малиновский Е. Л. Личностное мужество как образовательная инновация	180
Мириуца Е. В. Копинг-стратегии как фактор школьной адаптации в младшем школьном возрасте	187
Мешкова И. В. Ценностные карьерные ориентации как фактор профессионального самоопределения студентов педагогического вуза	194
Нестер Е. Ф., Ващук О. И. Взаимосвязь креативности и волевых качеств личности у студентов педагогических специальностей	202
Нестер Е. Ф., Малиновская А. В. Специфика страхов креативных детей старшего дошкольного возраста	209
Полушкина И. В. Особенности копинг-стратегий у студентов с разными типами пищевого поведения	217
Прохорова И. К. Использование метода кейсов при подготовке будущего учителя	227
Рзаева Ж. В., Матюшкова О. П. Половые различия в эмпатических способностях студентов	235
Рзаева Ж. В., Шакалида К. В. Особенности личностных черт женщин, воспитывающих детей разного пола	243
Сергеева Е. В. Семейный клуб как форма организации взаимодействия семьи и учреждения образования в вопросах профилактики девиантного поведения учащихся	252
Слепович Е. С., Поляков А. М. Инклюзивное образование в контексте проблемы развивающего сотрудничества	256
Соболь Н. Б. Влияние дисфункциональной семьи на формирование личности ребенка	265
Стенищева А. А. Формирование этнокультурной идентичности подростков в отечественной литературе	273
Суворова Г. М. Психология развития культуры безопасности школьников в условиях санаторно-лесной школы	279
Таджибаева Ж. С. Педагогические условия социализации детей-сирот в условиях школы-интерната	284
Терещенко В. В. Исследование взаимосвязи виктимности и суверенности психологического пространства у школьников и студентов	289
Топанова Г. Т., Казиманова М. Д. Способы обучения психологическому консультированию в экзистенциальной психологии: ограничения и необходимость перемен	298
Тютюева И. А. Затруднения звукопроизношения у дошкольников при подготовке к школе	305
Ческидова И. Б. Подготовка студентов педагогического высшего учебного заведения к работе в условиях инклюзивного образования	310
Шматкова И. В. Нарушения привязанности как предпосылка созависимого поведения	317

Щурко Н. И., Кивайко В. Н. Внеучебная деятельность — важный элемент формирования профессиональных управленческих качеств.	328
Юхновец Т. И. Сравнительный аспект низкосубъектных и высокосубъектных студентов-дефектологов	337
Яценко Т. Е. Девиктимизация как коррекция педагогами виктимности личности в подростковом возрасте	350
Яценко Т. Е., Иценко А. Г., Мусийчук М. В. Роль ожидания и притязания в браке девушек и юношей, склонных к виктимному поведению	359
Яценко Т. Е., Аникевич А. А. Предикторы амбивалентной привязанности в романтических и дружеских отношениях в раннем юношеском возрасте	368
Яценко Т. Е., Ермолович Д. М. Предикторы академической прокрастинации юношей и девушек	374
Яценко Т. Е., Кульба А. В. Образ тела личности, склонной к неинструментальному виктимному поведению, в юношеском возрасте	380
Сведения об авторах	386

Репозиторий БаФУ

14. *Осухова, Н. Г.* Между поддержкой и доращиванием: психологическое сопровождение подростков, переживших насилие / Н. Г. Осухова // Развитие личности. — 2003. — № 4. — С. 153—166.

15. *Иващенко, Ф. И.* Пути оптимизации психологической подготовки студентов к работе по коррекции характера учащихся / Ф. И. Иващенко // Адакцыя і выхаванне. — 1995. — № 7. — С. 16—21.

16. *Кривцова, С. В.* Учитель и проблемы дисциплины / С. В. Кривцова. — М. : Генезис, 2004. — 246 с.

17. *Шопина, Ж. П.* Психологические закономерности формирования и актуализации зоны ближайшего развития : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Ж. П. Шопина ; Ин-т психологии им. Л. С. Выготского Рос. гос. гуманитар. ун-та. — М., 2002. — 23 с.

18. *Яценко, Т. Е.* Стилевые характеристики материнского отношения к девочкам подросткового возраста со здоровым и патологическим перфекционизмом / Т. Е. Яценко, А. Н. Подчашинская // Вестн. Шадр. гос. пед. ун-та. — 2018. — № 3. — С. 147—154.

19. *Яценко, Т. Е.* Стратегии совладания со стрессом виктимных подростков: типологическая характеристика и условия формирования / Т. Е. Яценко // Адакцыя і выхаванне. — 2017. — № 10. — С. 40—47.

Материал поступил в редколлегию 15.01.2019

УДК 159.99

Т. Е. Яценко¹, А. Г. Иценко¹, М. В. Мусийчук²

¹*Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь*

²*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Магнитогорский государственный технический
университет имени Н. Г. Носова», Магнитогорск, Российская Федерация*

РОЛЕВЫЕ ОЖИДАНИЯ И ПРИТЯЗАНИЯ В БРАКЕ ДЕВУШЕК И ЮНОШЕЙ, СКЛОННЫХ К ВИКТИМНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

В статье актуализирована проблема ролевой структуры современной семьи и в особенности виктимной семьи, в которой один или оба супруга обладают виктимной деформацией личности. Раскрыты признаки виктимности в супружеских отношениях. Обозначены механизмы воспроизводства модели виктимного поведения в супружеских отношениях с позиции различных психологических

© Яценко Т. Е., Иценко А. Г., Мусийчук М. В., 2020

теорий. Приведены результаты эмпирического исследования распределения ролей в семьях юношей и девушек, обладающих склонностью к различным видам виктимного поведения.

Ключевые слова: виктимность; виктимное поведение; ролевые притязания в браке; ролевая структура супружеских отношений.

Библиогр.: 11 назв.

T. E. Yatsenka¹, A. G. Itsenko¹, M. V. Musiychuk²

¹Baranovichi state University, Baranovichi, Republic of Belarus

²Magnitogorsk state technical University, Magnitogorsk, Russian Federation

ROLE EXPECTATIONS AND CLAIMS IN THE MARRIAGE OF GIRLS AND BOYS PRONE TO VICTIM BEHAVIOR

The article actualizes the problem of the role structure of the modern family and especially the victim family, in which one or both spouses have a victim deformation of the personality. Revealed signs of victimhood in marital relationships. The mechanisms of reproduction of the victim behavior model in marital relations, from the position of various psychological theories, are indicated. The results of an empirical study of the distribution of roles in the families of boys and girls with a tendency to different types of victim behavior are presented.

Key words: victimization; victim behavior; role claims in marriage; role structure of marital relations.

Ref.: 11 titles.

Введение. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, начиная с 2015 года, наблюдается тенденция к стремительному увеличению количества разводов. Так если в 2015 году количество разводов составляло 42,03 % от заключенных браков, то с 2016 года более 50 % браков расторгаются (2016 — 52,79 %, 2017 — 50,14 %, 2018 — 56,76 %). Схожая статистика соотношения браков и разводов зафиксирована в Российской Федерации (2015 — 53 %, 2016 — 62 %, 2017 — 59 %, 2018 — 68 %).

Психологические исследования свидетельствуют о том, что факторами дестабилизации супружеских отношений и разводов выступают: добрачная беременность как основная причина брака, ролевая несогласованность супругов [1; 2], низкая согласован-

ность брачно-семейных установок [3], переоценка брака и смещение вектора ценности с внешнего статуса «человек, состоящий в браке» к внутреннему содержанию супружеских отношений [4], деидеализация партнера, психологическая неподготовленность к браку (несформированность толерантной позиции к супругу, готовности к гибкому выстраиванию отношений) [5], несовместимость супругов (духовная, личностная, сексуальная). К числу личностных свойств, осложняющих психологическую совместимость супругов, мы относим виктимность.

Основная часть. Виктимность — это социально-психологическое свойство личности, проявляющееся в исполнении человеком в межличностном взаимодействии роли жертвы, для которой характерно неэффективное сопротивление нарушению границ своего психологического пространства и уклонение от позиции субъекта жизнедеятельности, обуславливающее его психологическую виктимизацию и ревиктимизацию [6].

Виктимную личность отличают: дефензивность; склонность к инверсии сферы ответственности (принимают ответственность за решение жизненных трудностей других людей и делегируют ответственность за свою жизнь ближайшему социальному окружению); фаталистические взгляды на жизнь; социальная пассивность; зависимость в аспекте приверженности чужому мнению, интересам, замещения своих потребностей потребностями значимого Другого, чрезмерной ориентации на помощь при решении проблем и внешние оценивание как критерий собственной значимости, стремлении к внешней регуляции своего поведения; расщепленность «Я», проявляющаяся в осмыслении мира, себя и других людей в полярных категориях «безопасный—враждебный», «беспомощный—всемогущий» и переживании амбивалентных чувств «жалость к себе — ненависть к себе, неприятие себя» [7; 8].

В соответствии с теорией С. Карпмана, виктимная личность пытается выстраивать взаимоотношения с супругом/супругой с позиции наиболее привычной, знакомой для нее роли «жертва», «спасатель», «преследователь», каждая из которых является выражением виктимных социальных установок и виктимного самовосприятия, последовательно сменяя в цикле семейных отноше-

ний все данные роли. Поскольку роль включает в себя представления человека не только о правилах своего поведения, но и ожидания определенного эмоционального и инструментального реагирования партнера, соответственно, интерес представляет изучение ролевой структуры виктимных (оба супруга обладают выраженным виктимным потенциалом) или частично виктимных (один из супругов обладает виктимным потенциалом) семей. Конфликтные ситуации в указанной категории семей могут возникать по причине рассогласования: «выполняемая роль — ожидаемая реакция брачного партнера», «ожидаемая ролевая позиции брачного партнера — роль, исполняемая партнером в браке».

С позиции социодинамической теории К. Хорни намеренно демонстрируемые и культивируемые страдания и беспомощность виктимной личности выступают средством воздействия на супруга, стимуляции у него чувства вины и являются доступным в поведенческом репертуаре виктимной личности способом получения внимания, заботы, расположения, избегания функций, снижающих чувство безопасности [9, с. 85]. Таким образом, виктимное поведение супругов носит компенсаторный характер (компенсация неспособности самостоятельно достичь цели и удовлетворить свои потребности).

С позиции теории обученной беспомощности (М. Селигман), теории стигматизации (И. Гофман), теории человеческой деструктивности (Э. Фромм), теории личной уязвимости (М. Джеймс, Д. Джонгвард) виктимное поведение супругов может носить вынужденный характер, сопровождаться переживанием психологического дискомфорта от исполнения роли жертвы. Фрустрированность потребности в значимых отношениях и безопасности в детские годы обуславливает возникновение у человека, по мнению Э. Фромма, чувства бессилия, переживание своей ничтожности и неполноценности [10, с. 56]. С целью избавиться от данных переживаний он пытается выстраивать супружеские отношения на основании принципов подчинения партнеру, отказа от собственного «Я», ошибочно полагая, что подобная модель поведения — эффективный способ восстановления уверенности в себе.

Вследствие отсутствия возможности успешного прохождения возрастных кризисов, способствующих освоению модели авто-

номного поведения и формированию гибких, здоровых личностных границ, виктимные личности продолжают уточнять личностные границы в последующие возрастные периоды. Это выражается через нарушение личностных границ супругов вследствие проецирования состояния собственных личностных границ (неструктурированность, размытость, слабая осознаваемость, низкий контроль) на личностные границы партнера по браку.

Ревиктимизация (систематическое, многократное попадание в ситуации насилия), как показали исследования J. Netman, убеждает их в закономерности виктимизирующих воздействий, приводит к формированию негативной «Я-концепции» и искаженного представления о справедливом отношении к себе (психологическое и физическое насилие со стороны супруга рассматривается как проявление внимания или любви) [11].

Виктимная личность склонна провоцировать супругу/супруга на виктимизирующие воздействия, чтобы подтвердить имеющуюся картину мира и собственное виктимное мировоззрение или чтобы получить возможность воспроизвести психотравмирующие ситуации из прошлого и получить иной исход ситуации.

В связи с этим актуализируется проблема психологической и ролевой совместимости супругов со сформированной виктимностью или обладающих еще неактуализированным потенциалом виктимности. Дисфункциональные отношения в виктимной семье оказывают психотравмирующее влияние на всех ее членов (супруги, дети, ближайшие родственники), снижая уровень их психологического здоровья, повышая уязвимость к стрессовым факторам в профессиональной деятельности.

В исследовании приняли участие 140 студентов БарГУ, состоящих в браке, в возрасте 19—23 лет (дневной и заочной форм получения образования). Из них 62 девушки и 78 юношей. Продолжительность брака не превышает 2 лет. Диагностический инструментарий исследования: методики «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская), «Опросник склонности к виктимному поведению» (О. О. Андронникова).

Данные по результатам замеров с применением указанных методик следующие. Девушки с агрессивным виктимным поведением (склонность подвергаться насилию вследствие проявления

вербальной агрессии по отношению к другим людям, провокационного поведения, вспыльчивости, эмоциональной возбудимости, склонности продуцировать негативные эмоции высокой интенсивности в фрустрирующих ситуациях): выполняют роль семейного психотерапевта ($v = 0,21$; $p = 0,14$) и лица, ответственного за материальный доход семьи ($v = 0,19$; $p = 0,16$). Роль хозяина ($v = -0,46$; $p = 0,001$) и роль организатора семейной субкультуры ($v = -0,15$; $p = 0,25$) делегируют мужу.

Юноши с агрессивным виктимным поведением выполняют роль ответственного за материальное благополучие семьи ($v = -0,21$; $p = 0,07$). Роль инициатора сексуальных отношений принадлежит женам ($v = 0,19$; $p = 0,09$).

Таким образом, возможен ролевой конфликт в супружеских отношениях девушек и юношей, склонных к агрессивному виктимному поведению. Они оба притязают на высокий заработок, что может активировать соревновательное начало в их отношениях. Вероятно, материальный ресурс выступает для них своеобразным замещением личностного ресурса, позволяющего ощущать собственную значимость и получать признание в системе социальных отношений. Обращает на себя внимание рассогласование ролевых ожиданий и притязаний юношей и девушек рассматриваемой категории виктимных личностей.

Девушки, склонные к самоповреждающему виктимному поведению (обладают чрезмерно выраженной склонностью к риску, ревиктимизации, причинению себе физического и морального вреда), также перекладывают ответственность на мужа за поддержание благоприятного эмоционального климата в семье ($v = -0,32$; $p = 0,02$). Однако сами заботятся о материальном благополучии семьи ($v = 0,34$; $p = 0,01$). Часто переживания негативные эмоции в связи с фрустрированностью значимых социальных потребностей в принятии, любви, уважении, они не способны обеспечить позитивный эмоциональный фон в семейных отношениях. Погружение в профессиональную деятельность при этом можно рассматривать как стратегию ухода от психотравмирующей реальности.

Юноши, склонные к самоповреждающему виктимному поведению, отводят роль хозяйки женам ($v = 0,20$; $p = 0,1$). В то время как сами возлагают на себя множество семейных ролей: роль организа-

тора семейной субкультуры ($v = -0,28$; $p = 0,02$) и развлечений ($v = -0,24$; $p = 0,05$), семейного психотерапевта ($v = -0,32$; $p = 0,01$), роль инициатора сексуальных отношений ($v = -0,25$; $p = 0,04$). Таким образом, очевидно чрезмерное расширение сферы ответственности данной категории юношей в семейных отношениях и стремление получить позитивное внимание супруги посредством ограждения ее от различных семейных функций. Данное обстоятельство может выступать конфликтогеном в супружеских отношениях: рассогласование ожиданий супруги с реальными временными, личностными и физиологическими ресурсами супруга.

Девушкам, склонным к гиперсоциальному виктимному поведению (чрезмерная обеспокоенность соблюдением принципа социальной справедливости, склонность вовлекаться в ситуации, связанные с защитой интересов других людей), принадлежат следующие роли в семье: воспитатель детей ($v = 0,22$; $p = 0,06$), хозяйка ($v = 0,27$; $p = 0,02$) и ответственный за материальное благополучие семьи ($v = 0,52$; $p = 0,0001$). Их мужья ответственны за организацию развлечений ($v = -0,21$; $p = 0,09$) и формирование семейной субкультуры ($v = -0,36$; $p = 0,01$). Таким образом, данная категория девушек считает, что основная ответственность за организацию быта и финансового благополучия принадлежит жене. Они проявляют чрезмерную заботу о мужьях, пытаясь ограничивать их от трудностей и делегируя им функции, связанные с организацией семейного досуга. При этом таким девушкам сложно достигать баланса между высокой вовлеченностью в работу и воспитанием детей, выполнением хозяйственных функций, что может выступать фрустрирующим для них фактором и провоцировать конфликты в супружеских отношениях.

Юноши, склонные к гиперсоциальному виктимному поведению, делегируют женам функции воспитания детей ($v = 0,27$; $p = 0,02$), организации быта ($v = 0,23$; $p = 0,04$) и организатора семейной субкультуры ($v = 0,13$; $p = 0,24$). Очевидно, что они подходят к распределению семейных ролей, ориентируясь на социальные представления о ролевой организации супружеских отношений, принятые в обществе.

Типичные семейные роли девушек, склонных к некритичному виктимному поведению (отличаются чрезмерной доверчивостью,

внушаемостью, склонностью оправдывать негативное поведение других людей по отношению к ним, неспособностью идентифицировать манипулятивные воздействия других людей и противостоять им): хозяйка ($v = 0,18$; $p = 0,19$) и ответственный за материальный доход семьи ($v = 0,25$; $p = 0,07$). Муж выполняет роль семейного психотерапевта ($v = -0,24$; $p = 0,12$). Таким образом, девушки могут переживать негативные эмоции (неудовлетворенность собой, чувство вины, разочарование в себе, беспомощность) вследствие сложности совмещения двух указанных функций, требующих значимой затраты временного и личностного ресурса. В то время как основная задача супруга — оказывать эмоциональную и моральную поддержку жене.

Юноши, склонные к некритичному виктимному поведению, выполняют роли: организатора развлечений ($v = -0,12$; $p = 0,28$). Жены выполняют функции семейного психотерапевта ($v = 0,20$; $p = 0,07$), материального обеспечения семьи ($v = 0,30$; $p = 0,01$), организатора семейной субкультуры ($v = 0,17$; $p = 0,14$). Можно полагать, что функция власти в таких семьях принадлежит жене, что может приводить к закреплению паттернов виктимного поведения супруга.

Роли девушек, склонных к зависимому и беспомощному виктимному поведению (обладают установкой на беспомощность, не умеют самостоятельно совладать с трудными жизненными ситуациями, конформны, склонны манипулировать другими людьми, позиционируя себя как слабых): воспитатель детей ($v = 0,14$; $p = 0,26$). Роль хозяина, решающего бытовые вопросы ($v = -0,34$; $p = 0,001$), и семейного психотерапевта принадлежит мужу ($v = -0,17$; $p = 0,15$). Таким образом, имеет место трансляция данной категорией девушек модели виктимного поведения детям. Имеет место построение отношений в данных супружеских парах по сценарию «жертва—спасатель».

Юноши, склонные к зависимому и беспомощному виктимному поведению, выполняют следующие роли в семье: воспитание детей ($v = -0,17$; $p = 0,15$), хозяин ($v = -0,17$; $p = 0,15$), организатор семейной субкультуры ($v = -0,28$; $p = 0,01$).

Заключение. Имеет место дисбаланс в распределении супружеских ролей в виктимных семьях. Девушки и юноши с разными

видами виктимной деформации личности выбирают для себя семейные роли, которые, по их ошибочному убеждению, могут выполнять компенсаторную функцию (позволяют компенсировать потребности, фрустрированные в социальных отношениях), позволяют обрести чувство личностной значимости. Виктимные семьи в силу неадекватности в распределении семейных ролей могут обладать повышенным конфликтогенным потенциалом.

Список цитируемых источников

1. *Левкович, В. П.* Добрачная беременность как один из факторов дестабилизации семьи / В. П. Левкович // Психол. журн. — 2011. — Т. 32, № 2. — С. 109—115.
2. *Левкович, В. П.* Особенности добрачного периода жизни супругов как одна из причин стабилизации и дестабилизации молодой семьи / В. П. Левкович // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 1. — С. 82—85.
3. *Карташова, Т. Е.* Согласованность брачно-семейных установок у молодых супругов как фактор психологической безопасности личности в условиях кризиса института семьи и брака / Т. Е. Карташова // Мед.-биол. и соц.-психол. проблемы безопасности в чрезвычайн. ситуациях. — 2012. — № 4. — С. 108—112.
4. *Иванченко, В. А.* Некоторые аспекты воспитания личности в неполной семье (по материалам исследований российских и зарубежных авторов) / В. А. Иванченко // Психол. наука и образование. — 2011. — № 3. — Режим доступа: <http://psyedu.ru/journal/2011/3/2464.phtml>. — Дата доступа: 27.08.2019.
5. *Целуйко, В. М.* Психология современной семьи / В. М. Целуйко. — М. : ВЛАДОС, 2006. — 287 с.
6. *Яценко, Т. Е.* Психологическая сущность категории «виктимное поведение» с позиции субъектно-средового подхода / Т. Е. Яценко // Вестн. БарГУ. Серия «Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки (литературоведение)». — 2019. — № 7. — С. 127—134.
7. *Яценко, Т. Е.* Девиктимизация как направление психолого-педагогического сопровождения виктимных учащихся подросткового возраста / Т. Е. Яценко // Адукацыя і выхаванне. — 2015. — № 2. — С. 54—62.
8. *Яценко, Т. Е.* Стратегии совладания со стрессом виктимных подростков: типологическая характеристика и условия формирования / Т. Е. Яценко // Адукацыя і выхаванне. — 2017. — № 10. — С. 40—47.
9. *Хорни, К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / К. Хорни. — М. : Айрис-Пресс, 2004. — 464 с.
10. *Фромм, Э.* Бегство от свободы / Э. Фромм ; пер. с англ. ; под общ. ред. П. С. Гуревича. — М. : Прогресс, 1989. — 272 с.
11. *Herman, J.* Trauma and recovery: from domestic abuse to political terror / J. Herman. — New York : BasicBooks, USA, 1997. — 304 p.

Материал поступил в редколлегию 15.03.2019